

ДАВНО уже замечено, что историческое время между царствованиями Петра Великого и Екатерины II, также названной Великой, как бы проваливается в сознании людей, поверхностно знакомых с российской историей XVIII века. Да это и понятно — время Петра I напоминает ослепительную вспышку, после которой трудно рассмотреть что-либо другое. Грандиозные реформы, охватившие абсолютно все сферы русской действительности, иная, чем прежде, философия жизни, все новое, непривычное — от огромного военно-морского флота и города на берегах Невы до алфавита и башмаков — эти и тысячи других явлений, черт и черточек уже современникам говорили о необычности времени, в которое они жили, о фантастическом происшествии со страной, головокружительной перемене, совершившейся с ней за каких-то два с половиной десятилетия. Особую остроту этим впечатлениям придавали методы, которыми внедрялось, навязывалось Петром новое. В последнем слове знаменитой пушкинской фразы «Россию поднял на дыбы» в принципе можно поставить два разных ударения, и оба варианта дают два выразительных образа для обозначения происшедшего со страной при Петре Великом.

После яркой реформаторской вспышки короткие послепетровские царствования, калейдоскопическая быстрота смены самодержцев и фаворитов оставляют впечатление убожества, ничтожности, бессмысленности. Почти четыре послепетровских десятилетия — от Петра I до Екатерины II — в сознании потомков как бы сжимаются до нескольких лет, и кажется, что длившееся бесконечно долго 35-летнее царствование царя-исполина (1689—1725) почти сразу же сменяется таким же ярким, плодотворным, одним словом, — «славным», царствованием Екатерины Великой (1762—1796), и после некоторого застоя снова победно засверкало русское оружие и заблистал русский гений, опять начались великолепные достижения, победы в различных сферах человеческой

деятельности, идет ли речь о Румянцеве или Кулибине, Державине или Ушакове, Фонвизине или Суворове.

Русская историческая наука нашла определение послепетровскому времени, назвав его «эпохой дворцовых переворотов». Это определение прижилось в литературе, искусстве, оно было усвоено общественным сознанием, и, несмотря на усилия марксистской историографии советских лет, заменить его маловыразительным и в принципе неточным хронологическим определением «вторая четверть XVIII века» не удалось. У меня нет намерения вторгаться в историографический спор о том, как называть ту или иную эпоху, я хочу, не ставя никаких философических задач, дать очерк истории первых послепетровских царствований: Екатерины I (1725—1727), Петра II (1727—1730) и Анны Ивановны (1730—1740), — с тем чтобы эта книга вошла составной частью в серию моих исследований о политической истории XVIII века, начатую книгой «Время петровских реформ» (Л., 1989) и «Россия в середине XVIII века» (М., 1986 и 1988).

Маленькой горкой книжек и брошюр по сравнению с Монбланом литературы о Петре Великом выглядит все, что было написано за два с половиной столетия о времени Екатерины I, Петра II и Анны Ивановны. Если исключить широко известные курсы истории России, подобные «Курсу русской истории» В. О. Ключевского или «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева, то можно назвать лишь несколько книг, достойных внимания читателя, желающего углубить свои знания о том времени. Это две брошюры К. И. Арсеньева «Царствование Петра II» (СПб., 1839) и «Царствование Екатерины I» (СПб., 1856), с которых, в сущности, и начинается историография первых послепетровских царствований. Достойны упоминания и книги профессора Д. А. Корсакова «Воцарение императрицы Анны Иоанновны» (Казань, 1880) и В. Строева «Бироновщина и Кабинет министров» (М., 1909—1910).

Требуют осторожного, критического чтения основанная на легендах работа князя П. В. Долгорукова «Время императора Петра II и императрицы Анны Иоанновны» (М., 1909), а также две книги известного польского популяризатора Казимира Валишевского — «Царство женщин» (М., 1911) и «Наследие Петра Великого» (СПб., 1906).

Советская историография упорно демонстрировала пренебрежение к этому периоду русской истории и интерпретировала его однозначно как безвременье, как нечто переходное от одной эпохи к другой, как подготовку к Пугачевскому восстанию, очередной классовой битве — «движущей силе истории». Именно к этой мысли подвели читателя две книги, вышедшие в советское время и посвященные послепетровскому периоду. Их названия весьма характерны: «Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30—50-е гг. XVIII века» (П. К. Алифиренко. М., 1958) и «Классовая борьба и общественно-политическая мысль в России в XVIII веке. 1725—1773 гг.» (В. В. Мавродин. Л., 1964).

Когда же заходила речь о довольно запутанной политической ситуации после смерти Петра I, не назначившего наследника, то для объяснения всего и вся шла наиболее подходящая фраза В. И. Ленина о том, что, в отличие от пролетарского переворота 1917 года, в XVIII веке дворцовые «перевороты были до смешного легки, пока речь шла о том, чтобы от одной кучки дворян или феодалов отнять власть и отдать другой», что в принципе верно, хотя ничего и не объясняет. Невнимание историков-профессионалов к эпохе дворцовых переворотов привело к тому, что знания о ней любознательный читатель черпал главным образом из романов Валентина Пикуля «Слово и дело», «Пером и шпагой» и других. Лишенные историзма, основанные на весьма вольной трактовке фактов, они несли в себе хоть какую-то информацию, и не раз после публичных лекций ко мне подходили люди с конспектами, составленными по романам Пикуля, с тем чтобы я помог им отделить плоды буйной фантазии романиста от подлинных фактов истории.

Впрочем, феноменальный успех романов Пикуля вполне заслужен и объясняется не только полной немощью советской исторической науки, не способной противопоставить темпераментному романисту правдивую книгу, но и временем, когда массовый читательский интерес к «исторической клубничке» из жизни Анны или Елизаветы объяснялся общественной обстановкой и нравами 70-х — начала 80-х годов XX века. И Пикуль чутко уловил общественный запрос и оперативно и умело откликнулся на него. Более того, романы Пикуля о XVIII веке пользовались колоссальным успехом еще и потому, что застои и гниение оказались чем-то созвучными

послепетровской эпохе с ничтожными личностями у власти, душной атмосферой придворных передних, мелочностью и страхом.

Одним словом — безвременье. Но не будем забывать, что это безвременье сожрало у многих из нас лучшие, самые плодотворные годы жизни, а многие так и умерли в убеждении, что так будет вечно, что вся история — и раньше, при Анне, и нынче, при Брежневе, — будет протекать как вялая, грязная река среди зловонных болот.

Но утешим себя мыслью, что в Истории нет безвременья. История равна, сильна и равнодушна, это поток, текущий из нашего прошлого в будущее, и перед ней все равны — гении и ничтожества, добрые и злые. Ведь все зависит от наших претензий, амбиций, требований и заблуждений, от точки зрения наблюдателя на берегу этого потока, пока за ним самим не приплывет Харон.

Вот и я имею пристрастие к послепетровской эпохе. И не только потому, что почти вся моя сознательная жизнь прошла при нашем застое, но и потому, что все люди всегда интересны и их судьбы поучительны для нас, и в каждом историческом пейзаже есть красота и неповторимость, есть своя драма, соперживая которой мы расширяем свой мир во времени — как бы живем несколько раз. Печальный опыт марксистской науки в СССР показывает, что, игнорируя живого, сложного, противоречивого человека прошлого, уделяя внимание только движению масс, развитию классовой борьбы или только экономики, такая наука была обречена на непонимание и неприятие читателей — живых людей, которым всегда, во все времена, интересны прежде всего живые люди, их черты, их проявления, страсти, чудачества. Именно поэтому, пока будет жить человечество, будут жить книги Плутарха и Светония. Пройдут века — и люди все равно будут жадно читать мемуары Наполеона, Черчилля, Екатерины II. Так устроен человек.

И еще он устроен как звено в непрерывной цепи, протянутой из прошлого в будущее. Если мы есть, значит, было и звено нашего предка, жившего в 20—30-е годы XVIII века, значит, уже одно это осмысляет его существование для нас, делает его время и его жизнь ценной, точнее — бесценной, ведь цепочку во времени так легко было порвать случаю, року, и тогда бы мы не появились на свет.

Читая документы тех лет, видишь, как обрываются

одни нити жизни и завязываются другие, как рождаются люди, без которых невозможна последующая история, как возникают еще неясные токи будущего, и ты видишь сквозь увеличительное стекло времени то, что они, современники Екатерины I или Анны, тогда не могли разглядеть, понять, оценить, и одновременно осознаешь, что подобным же образом воспринимаем мир и мы, люди конца XX века.

И еще важно помнить, что в каждый момент жизни всегда есть несколько возможных путей ее движения, есть несколько вариантов, из которых реализуется лишь один — тот, который потом называют единственным вариантом истории.

Обратимся к нему...

Автор

ЯНВАРЬ 1725 ГОДА

МАЙ 1727 ГОДА

1725
1727

Смерть в конторке

ЧТО ПОДЕЛАТЬ, не люблю я «памятных исторических мест» и «мемориальных квартир», хотя всегда отдаю должное просветительскому значению оных, как и самоотверженному труду их хранителей. Может быть, эта нелюбовь идет от того опошления, которое придано этим нормальным, обычным понятиям в нашей стране? Кроме того, когда видишь сиротливые «тапочки Антона Павловича» или ветхий старинный столик, на котором под плексигласовым колпаком стоит пустая чернильница и нарочито брошены перо и пожелтевший лист исписанной бумаги, почему-то испытываешь не благоговейное почтение и умиление, а неловкость и скуку. И дело не в том, что наверняка знаешь: перед тобой искусная музейная подделка — ведь подлинный автограф гения хранится в архиве за семью печатями, — просто все эти предметы мертвы и немы, ибо их хозяин давным-давно умер и душу этих драгоценных для него вещей унес с собой.

Но однажды я испытал потрясение от соприкосновения с местом, где произошло историческое событие. Меня ввели в подвал Эрмитажного театра, который в это время реставрировался финской строительной компанией. И вот, переступая через кучи битого кирпича, балки, строительный мусор, мы поднялись по ступенькам в бывшую «салу» — зал на бывшем втором этаже бывшего Зимнего дома, построенного в 1719 году архитектором Г. И. Маттарнови на участке между нынешней Миллионной, Зимней канавкой и Невой. Позже это помещение стало подвалом Эрмитажного театра, выросшего на прочном фундаменте петровского дворца.

Архитектор-реставратор подвел меня к обнаженной кирпичной стене и сказал, что именно здесь и была та самая *конторка*, в которой умер Петр Великий. Я протянул руку и ощутил холод и шероховатость прочной кладки старинных кирпичей, тех самых, что слышали его

тяжелые стоны и отчаянные молитвы,— здесь его душа покинула измученное страшной болью тело...

При строительстве дворца кем-то, вероятно, под диктовку Петра, была написана проектная записка: «У большой палаты (то есть той самой «салы», в которой мы стояли.— *Е. А.*) перегородить стенку по самый погребной свод и в той перегородке сделать Конторку в половину окна... и наверху Конторки сделать решетку и под решеткой на стене кругленькое окошечко, а дверь в конторку сделать из маленькой палатки, также сделать проходную лестницу в погреб, откуда пристойно»¹.

Известно, что Петр любил жить в тесных, низких помещениях, своеобразных душных логовищах, которые были ему уютны. И для этого, как гласит молва, он приказывал с помощью парусины занижать потолки и строить выгородки из обширных палат и «сал». Такое же логовище он приказал выгородить и в своем новом дворце. Здесь-то он и умер. В памятном журнале — «Поденных записках» — об этом сказано так: «Е.и.в. Петр Великий, лежав в болезни в Зимнем своем доме, в верхнем апартаменте, 28 января 1725 года преставился от сего мира в своей конторке», а 29 января был «вынесен в салу». Из «салы» он и отправился в последний путь, правда не совсем обычным способом. Феофан Прокопович писал, что в день похорон для «вынесения широкого гроба, который не мог быть вынесен из обыкновенных дверей, приделано к среднему в зале окну по лицевой стороне к Неве большое крыльцо и лестницы», по которым и спустили на берег Невы гроб².

Смерть Петра Великого наступила в ночь с 28 на 29 января, точнее — в 5 часов 15 минут 29 января 1725 года. На престол вступила его жена — императрица Екатерина I Алексеевна.

Только на первый взгляд может показаться, что восшествие жены императора на престол — факт обычный, естественный. Это не так. Мы знаем, что за всю российскую историю только еще однажды императрица сменила на престоле своего мужа. Это была тезка нашей героини, Екатерина Алексеевна, которой, чтобы стать императрицей Екатериной II, пришлось свергнуть своего царственного супруга и с помощью вооруженной силы узурпировать власть.

Ее предшественница — Екатерина I никого не свергла, но и ее вступление на престол было не чем иным, как

дворцовым переворотом: в комнатах, примыкавших к «сале» Зимнего дома, развернулась напряженная борьба за власть. Эта борьба была весьма скоротечна и не вырвалась за стены дворца, не переросла в вооруженное противостояние сторон. Тем не менее не случайно начало так называемой «эпохи дворцовых переворотов» в исторической науке датируется именно 1725 годом. Что же произошло в те дни и ночи в Зимнем доме?

Исходной и формальной точкой противостояния политических сил стало отсутствие письменного завещания Петра Великого. Не дал он и устного распоряжения о наследнике престола, которое могли бы под присягой подтвердить слышавшие его высшие чины государства. То, что Петр умер без завещания, уже само по себе создало кризисную ситуацию. Ведь кроме вдовы императора было еще несколько потенциальных преемников престола — детей и внуков от двух его браков.

Как известно, в 1689 году Петр женился на Евдокии Федоровне Лопухиной, которая родила царю трех сыновей: в 1690 году — Алексея и в 1691-м — Александра и Павла, которые вскоре умерли. В 1698 году царь разошелся с царицей Евдокией и отправил ее в монастырь. Старший же сын от этого брака, царевич Алексей Петрович, наследник престола, в 1711 году по воле отца женился на Шарлотте Софии, кронпринцессе Вольфенбюттельской, — свояченице австрийского императора Карла VI. В 1714 году жена Алексея родила дочь Наталью, а в 1715-м — сына Петра. Вскоре эти дети осиротели: Шарлотта София скончалась спустя некоторое время после рождения сына, царевич же Алексей, вступивший в острый конфликт с отцом, бежал за границу, потом был возвращен в Россию, судим и, приговоренный к смертной казни, умер летом 1718 года в тюрьме при невыясненных обстоятельствах. А прямые правопреемники царевича, его дети: 9-летний Петр и 10-летняя Наталья, — в начале 1725 года были живы и здоровы.

От второго брака Петра с Мартой Скавронской — в православии Екатериной Алексеевной — родилось одиннадцать детей, большинство которых умерли в младенчестве. В живых к январю 1725 года осталось три дочери-подростка: 16-летняя Анна, 15-летняя Елизавета и 8-летняя Наталья.

Император Петр Великий.

Таким образом, претендовать на российский престол могли шестеро ближайших родственников Петра Великого: его вдова, три дочери и двое внуков.

В допетровской России не существовало никакого специального закона о наследовании царского престола, но действовала традиция, которая, как известно, может быть сильнее всякого писаного закона. Согласно ей престол переходил по прямой нисходящей мужской линии — от отца к сыну и от сына к внуку. Нельзя сказать, что традиция эта никогда не нарушалась. Поначалу в династии Романовых все шло как положено:

Алексей Михайлович наследовал престол от своего отца — царя Михаила Федоровича, от царя Алексея Михайловича унаследовал престол в 1676 году его старший сын Федор Алексеевич. А вот после смерти Федора в 1682 году традиция была нарушена — царем был провозглашен не старший из сыновей царя Алексея Михайловича — 16-летний Иван, а младший (да еще от второго брака) — 10-летний Петр. Правда, точно следовать традиции все равно было бы невозможно, ибо прямая нисходящая линия прервалась после смерти бездетного Федора. К тому же выбор оправдывался тем, что Иван был явно недееспособен.

Но история России знает и еще одно нарушение традиции: в XV веке великий князь Московский Иван III назначил своим наследником не строптивного сына Василия, а послушного внука Дмитрия. И хотя позже великий князь передумал и все-таки передал престол Василию III — будущему отцу Ивана Грозного, тем не менее прецедент был. Именно на него и обратил внимание Петр, издавший в 1722 году уникальный в русской истории закон — «Устав о наследии престола», сыгравший свою роковую роль в череде дворцовых переворотов XVIII века. Ссылаясь на прецедент с Иваном и Дмитрием, Петр вводит в «Устав» юридическое положение, которое узаконило неограниченное право российского императора назначать наследника из числа своих подданных и при необходимости изменять свой выбор: *«Ежели Е.в. всей своей высокой воли и по нем правительствующие государи российского престола кого похотят учинить наследником, то в их Величества воли. А ежели же и определеннаго в наследники, видя какия непотребства, паки отменить изволят, и то в их же Величества воли да будет...»*³ Поэтому можно сказать, что «Устав» стал крайним выражением безграничной власти российского самодержца. Но Петр издал «Устав» не из прихоти или каприза — этому предшествовала подлинная драма в семье царя.

После того как погиб царевич Алексей Петрович, официальным наследником престола был провозглашен «наследственный благороднейший государь-царевич» Петр Петрович — сын Петра Великого и Екатерины родившийся в октябре 1715 года, почти одновременно с сыном царевича Алексея — Петром Алексеевичем. Однако в апреле 1719 года наследник внезапно умирает

Царевич Петр Петрович.

не прожив и четырех лет. Таким образом, единственный (кроме самого Петра I) мужчина в роду Романовых — великий князь Петр Алексеевич, внук Петра I, становится согласно традиции и общественному мнению естественным наследником престола.

Петр этого допустить не мог — он опасался, что приход к власти внука может нанести удар по тому делу, которому он посвятил всю жизнь, то есть по преобразованиям, врагами которых были и сам покойный царевич Алексей, и все его окружение из ненавистного царю рода Лопухиных — родственников Евдокии Лопухиной. Именно поэтому Петр и решается издать «Устав о наследии престола», который в корне ломал традиционный принцип преемственности и, стало быть, позволял лишить великого князя Петра Алексеевича права на престол. Вскоре Петр предпринял действия, которые были поняты многими наблюдателями как свидетельство его намерений завещать престол своей жене, — в мае 1724 года он собственноручно возложил на голову Екатерины Алексеевны императорскую корону.

В манифесте о коронации Екатерины, обнародованном еще в ноябре 1723 года, обоснованием этого торжественного и невиданного на Руси акта выдвигалась традиция христианских государств, и особенно Византии. Кроме того, в манифесте подчеркивалась особая роль Екатерины «как великой помощницы» в тяжелых государственных трудах царя, ее мужество в сложные моменты царствования. Петр объявлял о коронации своей супруги

«данной нам от Бога самовластною», что напрямую перекликалось с главной идеей «Устава о наследии престола»⁴.

Однако осенью 1724 года началось дело камергера Екатерины Виллима Монса, уличенного в близости с императрицей, и Петр, жестоко расправившись с фаворитом своей жены, никаких дальнейших шагов для упрочения права Екатерины на престол (публичное провозглашение наследницей и прочее) не предпринял.

Болезнь, которой он страдал много лет, была мучительна, но не казалась ему смертельной. У Петра было затрудненное мочеиспускание, которое, согласно заключению современных специалистов, явилось следствием аденомы предстательной железы или стриктуры уретры, как результат воспалительного процесса в мочеиспускательном канале⁵. Привыкнув к болям и чувству периодически облегчение после мучительных операций с зондом, Петр, возможно, не думал, насколько близко он подошел к смертельной грани — в организме уже пошел необратимый процесс отравления. Можно лишь предположить, что, понимая в целом серьезность положения, Петр был полон внутренних колебаний и сомнений, и эти нравственные терзания в сочетании со страшной физической болью сделали его последние дни на земле необычайно мучительными...

Часы агонии царя стали решающими для судьбы трона. Как написали бы в старинном романе, «скипетр выпал из холодеющей длани нашего ироя, и к нему потянулись две жадные руки». Собственно, так и было: пестрая толпа придворных и генералов делилась на две основные «партии» — сторонников Петра Алексеевича младшего и сторонников Екатерины. Раскол этот был неизбежен. В течение всего царствования Петра ему противостояла политическая оппозиция. Если в начале его правления, во время неудачного мятежа стрельцов, она в буквальном смысле потеряла много голов и долгое время себя не проявляла, то к середине 1710-х годов оппозиция воспрянула духом, глядя на своего лидера — наследника престола царевича Алексея.

Дело царевича Алексея, начатое в 1718 году в специально созданной для этой цели Тайной канцелярии, вскрыло довольно широкий круг лиц из тогдашних верхов, напрямую связанных с царевичем или ему сочувствовавших. По этому делу помимо ближайшего окружения

Алексея проходили генерал князь Василий Владимирович Долгорукий, сенаторы Михаил Михайлович Самарин и князь Дмитрий Михайлович Голицын, сибирский царевич (хан) Василий, граф Петр Матвеевич Апраксин. Алексей на допросах под пытками выдал еще многих других сановников, симпатизировавших ему. Их оказалось столько, что Петр не решился раздвигать рамки следствия, надеясь, по-видимому, жестокими казнями «ближних людей» царевича заставить многих надолго прикусить языки.

Решение судьбы сына «самодержавный демократ» Петр Великий передал судебной коллегии, состоявшей из высших гражданских и военных чинов, желая выказать лицемерную в данном случае беспристрастность и объективность, чтобы неизбежным суровым приговором не шокировать европейское общественное мнение и своих подданных. Смертный приговор царскому сыну подписали 127 человек, начиная со светлейшего князя А. Д. Меншикова и кончая подручными гвардии. Санкционировав казнь царевича, правящая верхушка России оказалась связанной круговой порукой, коллективной ответственностью не только перед своим монархом, но и перед историей и потомством. Но все же корни оппозиции уничтожены не были, и в ночь смерти Петра они дали побеги.

Имя сына казненного царевича стало знаменем группировки родовитой знати. В нее вошли старинные фамилии Долгоруких и Голицыных, представители которых стояли на высших ступенях власти. Во главе «партии» великого князя Петра были незадолго перед этим помилованный Петром В. В. Долгорукий и сенатор Д. М. Голицын. Как сторонники великого князя проявили себя также президент Военной коллегии князь А. И. Репнин, граф П. М. Апраксин, граф И. А. Мусин-Пушкин.

Приближавшаяся смерть императора сама по себе усиливала позиции сторонников его внука. И они не преминули этим воспользоваться. Граф Г. Ф. фон Бассевич, советник Голштинского герцога Карла Фридриха, — свидетель и участник событий — писал в мемуарах, что, пока императрица обливалась слезами у постели умирающего, «в тайне составлялся заговор, имевший целью заключение ее вместе с дочерьми в монастырь, возведение на престол великого князя Петра Алексеевича и восстановление старых порядков, отмененных императором

и все еще дорогих не только простому народу, но и большей части вельмож»⁶.

Думаю, что в данном случае Бассевич (во имя весомости одержанной «партией» Екатерины победы) сильно преувеличивал намерения «бояр» вернуться к старым, допетровским порядкам, но желание многих знатных персон возвести на престол внука Петра I, великого князя Петра Алексеевича младшего, очевидно. Именно об этом говорили в своем кругу «бояре» и все недовольные грядущим — в случае воцарения Екатерины — всевластием Меншикова. Помимо прямого возведения великого князя на престол обсуждался и всплывший впоследствии компромиссный, промежуточный вариант решения проблемы наследования, при котором императором провозглашался Петр Алексеевич, а регентом при нем Екатерина.

Сведения об усилиях «партии» великого князя накануне смерти Петра Великого известны и из других источников. Австрийский дипломат, секретарь посольства Гогенгольц, хлопотавший за великого князя — племянника австрийского императора, — сообщал своему правительству, что, по словам шведского посланника Г. Цедеркрейца, еще в среду утром, то есть за сутки до смерти Петра, «все было улажено в пользу великого князя», но в последнюю ночь произошла перемена в пользу Екатерины⁷. Эта информация, ставшая известной уже после восшествия на престол Екатерины, в целом соответствовала действительности. Каким-то образом о подготовке «партии» великого князя к надвигавшемуся часу «X» стало известно генерал-прокурору П. И. Ягужинскому, который нашел возможность сообщить об этом Екатерине и Меншикову.

Именно светлейший князь А. Д. Меншиков был истинным главой «партии» Екатерины. Александр Данилович лучше, чем многие другие, понимал, что воцарение Петра II будет означать для него конец карьеры, благополучия и, возможно, свободы и самой жизни. Меншиков и Екатерина — оба выходцы из низов, совершившие головокружительное восхождение к вершинам власти, — не были защищены от многочисленных недругов и завистников (если это вообще возможно в России) ни происхождением, ни разветвленными родовыми связями и не пользовались симпатией большинства дворян. Только взаимная поддержка, только точный расчет и энергия могли спасти их в этот решающий час.